

— Молодой господин Цзя действительно удачлив, великий бессмертный даровал ему сразу два духовных зародыша...

Ци Чжу слушал разговоры окружающих, затем повернул голову к Сяо Яньюэ, который стоял с бесстрастным выражением лица, в его глазах читалась лишь холодность.

Всего лишь богатый купец из провинции — перед Сяо Яньюэ он, конечно, не стоил внимания, особенно если учесть, что всё богатство таких торговцев, имеющих лицензии на соль, даровано им властями.

После того как семья молодого господина Цзя поднялась на корабль, остальные пассажиры также начали постепенно заходить на борт. Ци Чжу и Сяо Яньюэ оказались на одном корабле с молодым господином Цзя, и слуга проводил их в каюту.

На палубе было расположено пять или шесть кают, одна из которых была значительно больше остальных — в ней, естественно, разместилась семья Цзя. Остальные каюты были тесными и скромными, внутри находились лишь старый стол со стульями, бамбуковая кровать, курильница и деревянный бак для воды.

Когда все поднялись на корабль, судно медленно направилось к центру озера Ту. Сяо Яньюэ, выглянув в окно, увидел, что озеро было спокойным, без малейшей ряби, а окружающие горы и леса казались тихими и глубокими. Он не почувствовал никаких признаков опасности.

Вскоре раздался стук в дверь. Сяо Яньюэ приоткрыл её, и на пороге оказалась корабельная жрица.

В руках она держала чашу с чёрным отваром и несколько ярко окрашенных благовоний. Она протянула их Сяо Яньюэ, её голос был хриплым и старческим:

— Вы двое, я — жрица, служащая великому бессмертному, которая будет заботиться о вас в эти дни. В это время каждый день я приношу вам воду из нефритового источника, чтобы помочь зачатию. Госпожа должна выпить её полностью.

Сяо Яньюэ уставился на фарфоровую чашу в руках жрицы и сказал:

— Эта вода, кажется, отличается от той, что я пил вчера?

— Естественно, — ответила жрица, глядя на него с лёгкой, но странной улыбкой, от которой морщины на её лице стали ещё более выраженными. — Раз госпожа хочет быстрее забеременеть, то должна пить более сильнодействующую воду.

Сяо Яньюэ взял чашу, и жрица осталась стоять, ожидая, пока он выпьет содержимое. Он поднёс чашу к губам, выпил отвар до дна и вернул пустую чашу жрице.

Хотя Сяо Яньюэ мог позже вывести яд из организма с помощью внутренней энергии, чтобы обмануть жрицу, ему пришлось сначала проглотить отвар. На вкус он был горьким, с едва уловимым странным привкусом.

Ци Чжу, стоявший в стороне, наблюдал за происходящим, его взгляд был задумчивым.

Жрица взяла пустую чашу и протянула Сяо Яньюэ розоватые благовония:

— Это благовония для возбуждения. Вы можете зажечь их и чаще заниматься супружескими

делами.

О том, для чего именно были нужны эти благовония, говорить не приходилось. Сяо Яньюэ взял их, и жрица, слегка поклонившись, удалилась.

Сяо Яньюэ бросил благовония в сторону, открыл окно и, высунувшись наружу, с помощью внутренней энергии вывел выпитый отвар. Чёрная жидкость вернулась в его рот, и он выплюнул её. Горький привкус поднялся в горле, вызывая у него лёгкую тошноту.

Он несколько раз прополоскал рот чистой водой, и тошнота постепенно утихла.

Ци Чжу спросил:

— Ты смог определить, что это за отвар?

Сяо Яньюэ покачал головой. Чтобы убедиться, что яд, если он был в отваре, не остался в его теле, ему нужно было ещё как минимум полчаса медитировать и очищать организм с помощью внутренней энергии.

В ту ночь тонкие стены каюты не могли заглушить звуки любовных утех соседней пары. Сяо Яньюэ, обладавший острым слухом, не мог не слышать их, и лишь к полуночи ему удалось заснуть.

Неожиданно той ночью ему приснился странный сон.

В лесу, залитом солнечным светом, он разговаривал с несколькими заблудившимися путниками, собираясь провести их вниз с горы. Однако, когда он зашёл в кусты, те внезапно набросились на него, повалили на землю и начали рвать его одежду.

В мгновение ока облик нападавших изменился — их руки превратились в холодных змей, которые обвили его конечности и горло, а ядовитые зубы впились в его кожу.

Он, ещё ребёнок, открыл рот, чтобы позвать на помощь, чтобы позвать своего учителя, но горло горело, и он не мог издать ни звука. Он мог только наблюдать, как удушье и ледяной холод поглощали его тело.

Сяо Яньюэ резко открыл глаза, и сон мгновенно исчез. Он уставился на тёмную каюту, его грудь слегка вздымалась.

Он встал с кровати, закрыл глаза и провёл несколько минут, проверяя внутреннюю энергию, но не обнаружил ничего необычного.

Может быть, в том отваре всё же остался яд, который он не заметил?

Князь Сянь, наследник князя Сянь и князь Минь — все они видели сны о змеях. Сяо Яньюэ ни на секунду не считал это совпадением.

Благовония, которые принесла жрица, остались неиспользованными на столе, так что проблема, скорее всего, была не в них. Может быть, озеро Ту действительно обладает духовной энергией змеиного бессмертного, как говорили те самые защитники?

Рядом с ним Ци Чжу спал спокойно. Сяо Яньюэ встал с кровати, тихо открыл дверь каюты и выглянул наружу. В каюте было темно, горели лишь несколько свечей.

Бесшумно пройдя через каюту, он вышел на палубу. Ночные горы и леса были тихими и глубокими, кроме нескольких кораблей, медленно плывущих по озеру, нигде не было видно ни одного огонька.

Вскоре за ним раздался лёгкий шаг. Сяо Яньюэ обернулся и увидел, что к нему приближается человек, стоящий в тени каюты, его фигура была стройной и высокой в тусклом свете.

Сяо Яньюэ посмотрел на Ци Чжу и медленно разжал руку, в которой держал кинжал:

— Зачем ты вышел?

— Я ещё не спросил тебя, а ты уже спрашиваешь меня, — Ци Чжу подошёл к Сяо Яньюэ и накинул на него плащ. — Проснулся и увидел, что тебя нет, вот и вышел посмотреть. На палубе ветрено, не простудись.

Сяо Яньюэ молча смотрел на него. Хоть маркиз и не был женат, но роль мужа он исполнял отлично.

Ци Чжу огляделся. Хотя вокруг никого не было, всё же стоило опасаться подслушивающих. Он приблизился к Сяо Яньюэ и шепнул ему на ухо:

— Это место очень странное. Я, как и наследник князя Сянь и князь Минь, видел странные сны, полные мистики.

Сяо Яньюэ удивлённо поднял взгляд. Маркиз тоже видел кошмары?

Ци Чжу не пил тот отвар, значит, дело было не в нём. Что-то на этом корабле или в этом озере могло влиять на сны людей?

Вдалеке послышался звук качающегося фонаря. Они обернулись и увидели низкую сгорбленную фигуру, медленно идущую с кормы корабля с фонарём в руке. Это была та самая жрица.

Жрица спросила:

— Почему вы вышли так поздно?

Ци Чжу обнял Сяо Яньюэ одной рукой и ответил:

— Госпожа жрица, моя жена плохо спит ночью, поэтому я вывел её на палубу подышать свежим воздухом.

— Возможно, госпожа просто не привыкла к плаванию на корабле, завтра ей станет лучше, — свет фонаря размыто освещал старое лицо жрицы, то появляясь, то исчезая. — Ночью холодно, лучше вернитесь в каюту.

Ци Чжу согласился и, взяв Сяо Яньюэ за руку, вернулся в каюту. Сяо Яньюэ украдкой оглянулся и увидел, что жрица стоит на месте, фонарь в её руке слегка покачивается, а сама она не двигается, словно каменная статуя.

В последующие дни все пассажиры оставались на корабле, и он ни разу не причалил к берегу.

Каждое утро все последователи собирались на палубе, чтобы преклонить колени и петь молитвы. Жрица также каждый день в одно и то же время приносила чашу с отваром и

несколько благовоний.

Еда для последователей была однообразной — утром, днём и вечером подавали жидкую кашу и несколько булочек. На второе утро, когда Ци Чжу и Сяо Яньюэ направлялись к корме за едой, они услышали шум и суматоху.

На земле разбилась фарфоровая чаша, каша разлилась по полу. Супружеская пара Гао Гэн и его жена стояли в панике, а перед ними стоял Цзя Хуань. Его наложницу поддерживала служанка, она стояла, опираясь на поясницу, с высокомерным выражением лица.

Цзя Хуань закричал:

— Ты, глупая женщина! Ты потревожила мою наложницу, если из-за этого пострадает духовный зародыш, ты не стоишь и гроша!

Супружеская пара побледнела от страха. Гао Гэн поспешно опустился на колени вместе с женой и начал извиняться:

— Господин Цзя, моя жена просто случайно оступилась и разбила чашу, облив горячей кашей обувь наложницы. Я прошу прощения от её имени, проявите великодушие, не наказывайте нас!

Цзя Хуань ударил Гао Гэна в грудь ногой, сбив его с ног, затем, поддерживая наложницу, направился в каюту, ругаясь:

— Ничтожество!

Жена Гао Гэна рыдала, а он молча терпел, поднимаясь с земли и держась за грудь.

Завтра будь в отпуске! — Завтра выходной!

<http://bllate.org/book/16247/1461363>